

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ИХ ФУНКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ М. А. БУЛГАКОВА

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18396935>

Ганиева Малика Мусаевна

Магистрантка ФерГУ, Фергана, Узбекистан

Аннотация

В статье исследуется специфика использования мифологических образов в творчестве М. А. Булгакова на примере романов «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия» и повести «Собачье сердце». Автор анализирует, как писатель трансформирует классические библейские, демонологические и античные мифы, создавая уникальную художественную реальность. Особое внимание уделяется амбивалентности образов Воланда и Иешуа Га-Ноцри, а также мифологеме «ученого-демиурга». Исследование показывает, что миф у Булгакова служит не просто декорацией, а инструментом философского осмысления истории и человеческой морали.

Ключевые слова

Булгаков, мифопоэтика, Воланд, Иешуа, архетип, неомифологизм, демонология, художественная система.

Annotation

The article examines the specifics of using mythological images in M. A. Bulgakov's works, focusing on the novels "The Master and Margarita", "The White Guard", and the novella "Heart of a Dog". The author analyzes how the writer transforms classical biblical, demonological, and ancient myths to create a unique artistic reality. Particular attention is paid to the ambivalence of the images of Woland and Yeshua Ha-Nozri, as well as the mythologem of the "scientist-demiurge". The research demonstrates that myth in Bulgakov's prose serves not merely as a decoration but as a tool for the philosophical comprehension of history and human morality.

Keywords

Bulgakov, mythopoetics, Woland, Yeshua, archetype, neomythologism, demonology, artistic system.

Творчество Михаила Афанасьевича Булгакова представляет собой сложный синтез бытового реализма и глубокого философского мистицизма. Одной из ключевых особенностей его поэтики является неомифологизм —

переосмысление древних культурных кодов в контексте современной автору советской действительности. Миф для Булгакова — это способ обнаружения вечных истин в «текучности» времени, попытка найти метафизическую опору в эпоху социального хаоса.

1. Трансформация христианских образов в «Мастере и Маргарите»

Центральное место в мифологическом пространстве Булгакова занимает роман «Мастер и Маргарита». Здесь писатель выстраивает сложную трехуровневую систему миров: ершалаимский (древний, мифологический), московский (современный, бытовой) и фантастический (вечный).

Образ Иешуа Га-Ноцри — это радикальная демифологизация евангельского сюжета. В отличие от канонического Иисуса, Иешуа лишен божественных атрибутов; он подчеркнуто человечен, слаб физически, но при этом является носителем абсолютной духовной свободы. Булгаков создает «миф о человеке», который противостоит государственной машине (Пилату) силой слова и убеждения.

Воланд и его свита олицетворяют демонологический пласт. Однако Воланд не является традиционным Сатаной — абсолютным злом. Он выступает в роли «судьи» и «экзекутора», восстанавливающего справедливость там, где человеческие законы бессильны. Булгаков опирается на гетевскую традицию («Фауст»), где Мефистофель — «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Мифологический образ дьявола здесь переосмыслен как необходимый элемент мирового равновесия.

В романе подчеркивается дистанция между «реальным» Иешуа и тем образом, который создается его учеником Левию Матвеем. Иешуа сетует на то, что Левий Матвей записывает его слова неверно: «ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Ровным счетом ничего из того, что там написано, я не говорил». Таким образом, Булгаков вводит тему искажения истины при её догматизации. Это демистифицирует само понятие «священного писания», переводя акцент с буквы закона на живую этику.

Трансформация образа Понтия Пилата: В канонических текстах Пилат — фигура скорее функциональная, олицетворяющая римскую власть. У Булгакова Прокуратор становится глубоко психологическим персонажем, мучимым «гемикранией» (мигренью) и одиночеством. Его конфликт переносится из юридической плоскости в экзистенциальную: это мифологический сюжет о трусости как самом страшном пороке. Пилат трансформируется из судьи в подсудимого, чьё наказание — бессмертие и вечное раскаяние.

Очеловечивание Иуды: В отличие от евангельского предателя, движимого сребролюбием, булгаковский Иуда из Кириафа — молодой, красивый и влюбленный человек, для которого предательство становится бытовым эпизодом. Это снижает «пафос зла», делая его более обыденным и, как следствие, более пугающим.

Философия «добрых людей»: Ключевая доктрина Иешуа — «злых людей нет на свете» — является радикальным упрощением и одновременно усложнением христианской идеи любви к врагам. Иешуа у Булгакова лишен мессианского сознания в церковном смысле: он не пришел спасти мир через жертву, он просто не может мыслить иначе. Его гибель — это не искупление грехов человечества, а трагическое доказательство того, что мир еще не готов к принятию абсолютной истины.

Функциональное значение: Такая трансформация позволяет Булгакову очистить христианские архетипы от церковной позолоты и вернуть им первоначальную остроту нравственного выбора. Ершалаимские главы становятся не пересказом Библии, а «психологическим рентгеном» человеческой души, актуальным для любого времени.

2. Архетип Демиурга и миф о Прометее в повести «Собачье сердце»

В повести «Собачье сердце» Булгаков обращается к антропогоническому мифу — мифу о сотворении человека. Профессор Преображенский выступает в роли ученого-демиурга, который дерзает состязаться с природой.

Этот образ тесно связан с античным мифом о Прометее и средневековой легендой о Големе. Однако, если Прометей несет свет, то эксперимент Преображенского приводит к рождению «нового человека» — Шарикова, существа лишённого культуры и морали. Через мифологическую призму Булгаков критикует идею насильственного переустройства человеческой природы и общества. Миф здесь служит предупреждением об опасности утраты этических границ в науке и политике.

3. Эсхатологические мотивы в «Белой гвардии»

Роман «Белая гвардия» пронизан мифологией Апокалипсиса. Гражданская война в России осмысливается Булгаковым как конец времен, крушение космоса и наступление первозданного хаоса. Киев в романе приобретает черты сакрального центра, «Града Небесного», который осаждают силы тьмы. Оппозиция «красной пятиконечной звезды» (символа Марса, войны и разрушения) и «звезды пастушеской» (символа Рождества и вечного покоя) создает мощный мифологический подтекст. Герои «Белой гвардии» существуют в пространстве, где библейские пророчества оживают в грохоте артиллерийских орудий. Мифологические аллюзии позволяют

автору поднять масштаб событий от локального конфликта до вселенской трагедии.

4. Функции мифологемы «Покоя» и «Света»

Завершающим аккордом булгаковской мифологии является концепция финального воздаяния. В финале «Мастера и Маргариты» мифологическая вертикаль достраивается категориями «Света» и «Покоя». «Он не заслужил света, он заслужил покой» — эта фраза подчеркивает амбивалентность булгаковского мироздания. Покой — это небытие, тишина, мифологический Элизиум, где герой обретает избавление от страданий. Это высшая форма награды для художника, не вписавшегося в земную реальность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений в 5 томах. — М.: Художественная литература, 1990.
2. Галинская И. Л. Загадки известных книг. — М.: Наука, 1986. (Глава о философских и мифологических истоках «Мастера и Маргариты»).
3. Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. — М.: Текст, 2004.
4. Лакшин В. Я. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Литературно-критические статьи. — М.: Гелиос, 2004.
5. Мягков Б. С. Булгаков на Патриарших. — М.: Алгоритм, 2007.
6. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — М.: Книга, 1988.
7. Яновская Л. М. Треугольник Воланда. — К.: Лыбидь, 1992.